

Борис ГУЩИН
г. Петрозаводск

МОЛОДОЙ ЛИННИК И МЫ

«О, Гущин! Наш солнечный возраст упущен».
(Ю. Линник)

Год назад от нас ушел писатель, поэт, философ Юрий Линник.

Юрий Владимирович Линник (1944–2018) родился 18 января 1944 г. в Беломорске. Детство его прошло в Сортавале и Петрозаводске. Сразу же после школы он поступил в Литературный институт на отделение художественного перевода. В 1964 г. он перевелся в ПетрГУ, который окончил в 1966 г., и поступил в аспирантуру Московского областного педагогического института им. Н.К.Крупской. Тема его кандидатской диссертации: «Объективная красота в органической природе», докторской: «Эстетика космоса». Темам этим философ и поэт Юрий Линник будет верен всю жизнь. Творческая деятельность Юрия Линника космична по своей сути: коллекционирование русского художественного авангарда (группа «Амаравелла»); собирание шедевров народного искусства, видя в них несомненную связь с космосом; и на основании этого создание своего собственного музея им.Н.К.Рериха. Огромное внимание и труд Ю.Линник приложил к изучению духовной культу-

ры русского зарубежья. На Карельском телевидении в 1990-е интереснейшими и, на мой взгляд, лучшими были передачи Юрия Линника «Возвращение»: несколько десятков телевстреч, где автор с захватывающей страстностью представлял нам доселе неизвестных талантливейших авторов, в основном эмигрантов, не вписывающихся в советскую официальную культуру. Вспомним, что и Архиепископа Сан-Францисского, князя Шаховского, издал именно Юрий Линник. До последних дней своей жизни поэт издавал выпуски своих поэтически-философских работ. Делалось это за свой счёт. И это при том, что его достаточно активно печатали и в научных, и в поэтических сборниках.

Многогранность таланта Юрия Линника подчёркивает и такая забавная деталь: он явился соиздателем небольшого сборничка нецензурных, очень смешных частушек. Во всей этой, казалось бы, похабщине он совершенно, на мой взгляд, справедливо и прозорливо увидел этот же самый космизм.

Он был настоящим поэтом, чем и остался навсегда интересен для нас.

Мне посчастливилось знать его и почти что дружить с ним. Почему «почти что»? Да потому, что

Юрий Линник, как многие поэты, был достаточно закрыт для общения, несмотря на внешнюю доброжелательность и видимое желание идти на контакт.

Впервые я и моя будущая жена Виола встретились с ним в 20-х числах августа 1964 г. В эти дни в Петрозаводске состоялось выездное заседание Союза советских писателей, посвящённое работе журнала «Север». Приехали писательские начальники. Было на кого посмотреть. Вспоминается скромная (во всяком случае, не кричащая) важность Сергея Михалкова, Сергея Баруздина, Леонида Соболева и других пишущих чиновников. Особые взгляды читателей испытывал на себе Александр Прокофьев, как две капли воды похожий на «нашего дорогого Никиту Сергеевича». Заседания проходили в Доме культуры Онежского тракторного завода, в расчёте на то, что посмотреть живьём на столь известных писателей придёт достаточно много народа. Пришло, но гораздо меньше предполагаемого количества. Во всяком случае, на балконе сидели только мы с Виолой. Редкий случай – в честь этого события на полную работал фонтан у ДК. Вот здесь-то нас и познакомил любимый декан историко-филологического факультета ПетрГУ Сергей Павлович Сюнёв с тоненьким, улыбочивым, очень скромным с виду юношей.

– Знакомьтесь. Юра Линник. С этого учебного года он ваш однокурсник. Вы историки, он филолог, но на общефакультетских дисциплинах будете сидеть вместе. Он перевелся из Литературного института.

Сначала мы удивились этому, но Юра сразу же объяснил, что Никита Сергеевич разогнал дневное отделение института, оставив только заочное, объяснив непонятливым писателям, что настоящий писатель (да и поэт тоже) должен вариться в буче рабоче-колхозной жизни и, только набравшись некоего жизненно-производственного опыта, имеет право взяться за перо.

Юра же не объяснил нам причину своего нежелания идти в жизнь, но, похоже, с Никитой Сергеевичем он был категорически не согласен.

В описываемое время в университете существовало литературное объединение, которым руководил Леонид Яковлевич Резников, прекрасный оратор, которого мы слушали раскрыв рты. Любимыми темами Леонида Яковлевича были история Валаамского монастыря и творчество М.Горького, по которому Л.Я. писал диссертацию. Особенность лекторской манеры Леонида Яковлевича заключалась в том, что чаще всего объявленная тема сворачивала куда-то на боковые тропинки; главная дорога тут же забывалась. Так, например, объявив

тему «Старый Валаам», Леонид Яковлевич почти с самого начала, только упомянув монаха-миссионера Иосифа Болотова, отправившегося с православной миссией на Аляску, заинтересовал нас рассказом исключительно об аляскинском острове Кадьяк. Валаам был забыт напрочь.

Из приглашённых на наше лито писателей вспоминаются драматурги (хотя никто из нас пьес не писал, а я даже стихами никогда не баловался) Ростислав Корнев и Всеволод Усланов. Особенно последний с пьесой «Покушение на Прометея», о покушении на В.И.Ленина в Петрограде в январе 1918 г. Усланов блестяще читал за всех своих героев, в том числе и за В.И.Ленина, чем и запомнился.

Я тогда жил в студенческом общежитии на Анохина, 24, и моим однокомнатником был Витя Голидонов, никогда не писавший стихов, но глубоко понимающий и тонко чувствующий поэзию и любивший хорошо поставленным голосом читать стихи с эстрады. Любимыми, громогласно исполняемыми были Маяковский и Роберт Рождественский. Благодаря Вите я узнал и полюбил Дмитрия Кедрина, Николая Заболоцкого, Владимира Соколова и даже кое-что из Владимира Луговского. С нами всегда был и Валерий Ананьин, мой тогдашний самый любимый университетский поэт. Как-то Валера написал поэму «Смерть космонавта», а Витя громогласно прочёл её с эстрады. Аккомпанировала на рояле Виола. В это время все космонавты были живы-здоровы. А эти накаркали!

Всеми любимым поэтом-бардом был Юрий Воробьёв. Чуть ли не все его стихи пелись им, да и всеми под гитару. Особенно мы любили петь его песню на стихи Б. Ахмадулиной:

*Мне скакать, мне в степи озираться,
Разгонять караваны во мгле.
Незапамятный дух азиатства
Тяжело колобродит во мне.*

А от его «Воображулистой» балдели все:
*Вечером на улице чья-то не моя
Взгляд воображулистый бросит на меня.
Лёгкая походочка с гордостью в груди
Проплывёт, как лодочка, только и гляди.
Я не то что влюбчивый, в общем, вот такой.
К лучшему иль худшему, пропадет покой!
Мне ведь только хочется шутки озорней,
С песней одиночества подойду я к ней.
И не будь иголкой, хмуру не гляди.
Хочешь, буду шёлковый, ах, на твоей груди.
Мне ведь только хочется заглушить сейчас
Песню одиночества песнею о Вас.*

Воробей недолго задержался в универе. Его утро начиналось где-то около 15 часов и плавно перетекало в ночную жизнь: творчество, попутно вино и карты, гитара, какие-то компании вне общежития. Но он успевал общаться и с нами, даже изредка заходил на литобъединение.

Постоянными и активными членами лито были живущие в нашем общежитии Женя Неёлов и Володя Рогачёв, будущие доктор филологических наук и кандидат филологических наук. Из поэтов, писавших более-менее интересные стихи, вспоминаются Таня Кожевникова (Сенькина), тоже будущий кандидат филологических наук, и Ольга Никон, которая издаст в будущем несколько сборников.

В это лито и зашёл пару раз Юрий Линник, прочёл несколько своих стихов, и не писавшие стихов и кое-кто из писавших поняли, что настоящие стихи должны быть именно такими. Юре же наши поэты, скорее всего, не понравились, потому как в отношении их он не раз бубнил:

– Мальчики, мальчики. Бездарные мальчики.

Тем не менее он несколько раз заходил в 34-ую комнату, где жили Женя с Володей. О себе он не любил много рассказывать, но Валерий Ананьин вспоминает, что Линник как-то вспоминал о том, что Павел Антокольский предпочитал оценивать молодых поэтов по одной-единственной строчке. Юра прочёл ему: «Идут глаза на костылях».

Антокольский зауважал Линника.

Мне вспоминается просто его упоминание о том, что в Москве он был вхож в дом Лили Юрьевны. Тут же он разразился пародией на только что вышедшее стихотворение Андрея Вознесенского «Маяковский в Париже». Помню только первую строчку:

*Лилия Брик на мосту лежит,
Разутюженная мужчинами.*

Юра постоянно бубнил только что рождённые строчки, иногда лишённые всякой логики, но всегда рифмованные и забавные. Так, встретив нас с Виолой на улице, он приветствовал такими словами:

*О, Боб из БОПа ты отпущен
И райские вкушаешь кущи!
Ты – дегустатор, Боря Гуштин,
Гадая на кофейной гуще!
Твои слова – одна крамола.
В твоей душе бушует хмель!
И для тебя твоя Виола,
Как для меня виолончель!*

А встретив меня у поликлиники, измученного бессонницей от неврастении, одарил меня таким шедевром:

*По утрам в поликлиники
Поползут неврастеники.
Среди них есть Ботвинники¹,
Видно, всё от евгеники.²*

В нашем общежитии на первом этаже жила Галя Тарасова (будущая Пяллина). Филолог Галя училась с нами на параллельном курсе. В Галку были влюблены все. Бездна обаяния. Приветливость и суперконтактность с каждым, пришедшим к ней в комнату. Галя всегда могла выпить за компанию, но никогда не перебирала. В её комнате всегда многолюдно. Была у неё постоянная шефиня Света Коваленко, жившая вместе с ней. Экзамены и зачёты преподаватели принимали у Гали на дому. Чуть ли не с 1-го курса.

Галя состояла в штате газеты «Комсомолец» и делала там обзоры писем о любви. Галя имела одну особенность. У неё были парализованы ноги, и передвигалась она на коляске. Самое удивительное то, что уже в первую минуту общения с Галей ты тут же забывал про её недуг. В наш университет она перевелась из Ленинграда после несчастного случая на целине и неудачной операции. За свою последующую жизнь Галя перенесла более десятка операций. Мы, жители общежития, вскладчину купили ей «Москвич» с ручным управлением; Галя быстро его освоила и стала «лихачить». Конечно, какую-то сумму вложили и весьма небогатые Галкины родственники, но главными здесь всё равно были мы. Позже Галя вышла замуж за студента финно-угорского отделения Валерия Пяллина. Сначала всё у них было вроде хорошо, но потом начались ссоры из-за трудного характера Валерия. Я как-то спросил Галю, почему она вышла именно за него, и она ответила мне примерно так:

– Вы все объяснялись мне в любви. А выносить горшки за мной согласился только Валера.

Позже Галя вышла замуж за моего однокурсника Анатолия Суслова. Эта любовь оказалась на всю жизнь. Толя не пережил смерть Гали. После университета Галя работала редактором издательства «Карелия», редактировала многих ка-

¹ Ботвинник Михаил Моисеевич (1911–1995) – чемпион мира по шахматам 1948–1963 гг.

² Евгеника. Теория о наследственном здоровье человека и путях его улучшения.

рельских писателей, в частности Дмитрия Балашова, с которым поддерживала и просто дружеские отношения. А Анатолий Шихов посвятил ей свою повесть «Босиком за автобусом».

Галя всегда просила привести к ней для знакомства интересных людей, в частности карельских художников. Юра Линник пришёл к Гале с Тамарой Юфа, молодой, красивой, самой известной в Карелии художницей. У Юры дружба с Тамарой Григорьевной продолжалась до конца его жизни. Тамара Юфа оформила множество его изданий.

Мы, собравшиеся в тот вечер у Гали, были счастливы знакомством с самыми талантливыми в Карелии нашими ровесниками. Юра читал немного, но, по-моему, именно тогда я впервые услышал мой любимый стих, который мне потом нравилось повторять и который вошёл на первые страницы первого сборника Ю. Линника «Прелюдия»:

*Летят серебряные кони,
И сам себе я грежу наяву
Ошеломлённом отроком
В Шелони,
Шеломом шелохнувшем синеву!
Под Русью – самородки золотые,
Над Русью – гуси,
Росы на Руси!
Монах,
Чьи очи – лодки голубые,
Стоит среди берёз и бирюзы.*

Будучи постоянным посетителем университетского лито и заражённым подобными стихами раннего Линника, я вдруг неожиданно для себя стал писать. Мне казалось, что эти полтора десятка стихов искренне написаны от души и сердца. А вообще-то, какой графоманский стих написан неискренне?

Я нигде и никому не читал тогда своих стихов. Решил прочесть их высшему тогда для меня авторитету в этой области Юре Линнику. Юра очень внимательно выслушал меня, не перебивая. Стихи мои не сохранились, и свой опус я привожу по памяти.

*Соло на саксофоне.
Лоб в лоб.
Нос в нос.
Губы в губы.
Тело в тело.
Ритм саксов.*

Ритм труб.

*Ос-
тер-
венелый!*

– Люблю.

Люби.

– Не тебя же.

Что мне ты?

Любовь?

Лажа.

Я пьян.

Пойду.

Коньяк.

В карман кладу.

С тобой я не знаюсь.

Смываюсь.

В никуда.

В лоб метели.

Воет сакс еле-еле.

*Так всю жизнь сквозь пургу пробредёшь,
А от этого воя никуда не уйдёшь.*

Юра немного помолчал и припечатал:

– Знаешь, старик. Не твоё это дело писать стихи. Не пиши больше.

Я послушался. Без малейшей обиды. Стихи разорвал и больше никогда в жизни их не писал. Через 30 лет стал писать прозу. И тут-то в 2004 году, когда вышла моя первая книга «Не только о Кижях», я горько обиделся на Линника. Презентация книги проходила в административном здании музея «Кижы», где в это время находился Линник: продавал какие-то книги нашему музею. Я пригласил его на презентацию, испытывая к нему чувство огромной благодарности за все годы нашего долгого знакомства. Он отказался, сославшись непонятно на что. Конечно же, я обиделся. Но эту обиду он снял через несколько лет, встретив меня на улице, и похвалил, не помню уж какими словами, публикации моих рассказов в «Севере». Конечно же, я надолго расцвёл. Несмотря на то что Юра называл университетских поэтов «бездарными мальчиками», он с ними не ссорился и почти что дружил. Позже он вспоминал их и считался с их явными удачами. Валерий Ананьин вспоминает, что в одной из статей в «Севере» о Евг. Баратынском Ю. Линник цитату из монолога Гамлета «Быть или не быть» привёл именно из ещё не опубликованного ананьинского перевода: «Вот так анализ в нас рождает трусов».

Я совершенно не помню какой-либо связи Ю. Линника с театром, кроме одного случая ещё из тех наших студенческих лет. В университете был

драмкружок, который мы гордо называли театром, руководил им горячо любимый нами заслуженный артист России и Карелии Юрий Александрович Сунгуров. В 1964 году случилось так, что в университете открыли факультет общественных профессий, где из нас захотели сделать режиссёров самодельных театров. Так как формально у Юрия Александровича не было высшего образования, его уволили. Руководителем театрального отделения ФОПа стала профессиональный режиссёр с высшим образованием Светлана Семёновна Генкина. Мы, сунгуровцы, все сразу ушли от неё в поддержку уволенного Юрия Александровича. Но Светлана Семёновна постепенно заманивала нас к себе, обольщая будущей постановкой «Страха и отчаяния в Третьей империи» Бертольта Брехта. Понемногу мы потянулись к ней; занимались сценарием, этюдами и даже сценическим фехтованием, каковое нам с блеском демонстрировала Виола Мальми, особенно на пару с актёром Игорем Румянцевым. После года занятий у нас было нечто вечера показа того, чему мы якобы научились. Мы с Володей Рогачёвым подготовили «Диалоги перед смертью» Бориса Вильде.³ Суть диалогов заключалась в том, что перед казнью в человеке просыпаются два «я» и жарко дискутируют между собой. Одно «я» считает необходимым героически умереть, чтобы не жить на коленях; другое «я» не хочет и как будто не может расстаться с радостями жизни. Я сейчас уже не помню, кто из нас был героем, а кто не хотел умирать. Нашему диалогу прекрасно аккомпанировала Валя Сони́на: что-то из Бетховена и Шопена.

Идя на одну из последних репетиций, мы встретили Линника:

– Юра, пошли с нами. Посмотришь, что мы сделали.

Юра пошёл, явно заинтересованный темой и личностью Бориса Вильде.

Посмотрев наше малоподвижное действо, он сказал примерно следующее:

– Старички, мне кажется, что было бы интереснее, если бы вы говорили всё это в телефонные трубки с длинными-предлинными проводами и ходили бы в разные стороны по кругу, сплетая два провода в один; в финале вы становились бы единым целым.

По-моему, Юра был прав.

К нам в общежитие Юра заходил редко, но метко. Во время одного из тогдашних возлияний Юра рассказал, что на Неглинском кладбище он нашёл заброшенную могилу, где на плите была выбита фамилия сына О.В.Куусинена. Мы не по-

верили. И хотя уже стояла страшная темень, Юра и Валера Ананьин с карманным фонариком пошли на кладбище, где Юра в полнейшей темноте нашёл могилу действительно сына О.В.Куусинена, журналиста Эсы Куусинена (1906–1949).

Элегичная лиричность сопутствовала Юрию Линнику всегда. Рассказывали, что ещё в школьные годы на Зарецком кладбище он нашёл могилу героя повести К.Г.Паустовского «Судьба Шарля Лонсевиля» и ухаживал за ней. От него самого я этой легенды, к счастью, не слышал. Почему, к счастью, да потому, что в моём восприятии Константин Паустовский, которого одно время я очень любил, постоянно выдумывал сюжетные ситуации. А в его «Повести о жизни» масса былых исторических событий не описаны им как свидетелем, а столь субъективно восприняты, что принимаются как придумки. В то же время я зачитывался Александром Грином, люблю его и сейчас. Грин пишет о событиях, которых никогда не было, но у меня создаётся ощущение, что всё, что происходит на страницах его вещей, автобиографично, настолько правдивы его реакции переживаний героев. Так что я, не имея ещё прямых доказательств несуществования Шарля Лонсевиля (позже историки нигде не обнаружат данного якобы исторического лица), не верил в эту легенду. Тем более что если бы данный человек был похоронен в Петрозаводске, то его могила была бы не на Зарецком, а на Немецком кладбище, которого давным-давно не существует: часть его застроена, а часть заросла. Кстати, и у К.Паустовского эта призрачная могила находится на кладбище, «где иностранцев погребли» (К.Паустовский. «Золотая роза». Глава «Белая ночь»).

Но зато могилу Эсы Куусинена Ю. Линник действительно обнаружил.

Валерий Ананьин, который был в это время заместителем секретаря комсомольской организации университета Жени Лучиной (позже Фелицатьевой), вспоминает, что в это время у Ю.Линника возникли неприятности с комсомолом. Его даже собирались исключить за многомесячную неуплату членских взносов. Не исключили. Дали выговор. Мне кажется, что он тогда таким образом хотел тихо затеряться вне этой достойной организации. У меня была примерно такая же история. Но меня никто не собирался

³ Борис Вильде (1908–1942) – французский учёный-этнограф, сын русского эмигранта, эстонец по национальности, создатель Музея человека. Активный участник Сопротивления. Казнён фашистами в Париже.

исключать, но продвигать вверх благодаря принадлежности тоже никто не собирался. Нас разлучил только возраст. Тайно убежать из комсомола не удалось.

Вспоминается, что в то время самыми уважаемыми студентами были не те, кто успешно грыз гранит науки, а те, которые бегали по этажам с карандашиком, что-то записывая от имени комитета комсомола. Примерно на таком же уровне, чуть пониже, были профсоюзные деятели всех мастей. Огромным начальственным уважением пользовались спортсмены. На нижней ступеньке уважения начальства стояли «артисты», к которым принадлежал и я.

На моём курсе учился отличник Геннадий С., но этот отличник не занимался никакой так называемой общественной работой. Только поэтому на госэкзаменах Гене наставили четвёрок, чтобы не дать ему диплом с отличием, который он, конечно же, заслуживал, и отбить претензии на аспирантуру.

Юрия Линника нашёл не только комсомол. Нашёл его и военкомат. Мало того, даже направил на обследование в госпиталь, который находился и находится на углу улиц Гоголя и Красноармейской.

А мы, Витя Голидонов, Воробей, Баран (аспирант Славка Баранов) и я, стоим с воробьёвской гитарой в коридоре общежития на втором этаже у окна и поём нашу самую любимую песню тех дней 1964 года на слова А. Межирова:

*Мы под Колпином долго стоим.
Артиллерия бьёт по своим.
Недолёт. Перелёт. Недолёт.
По своим артиллерия бьёт.
Мы под Колпином скопом лежим
И дрожим, прокопчённые дымом.
Надо всё-таки бить по чужим,
А она по своим, по родимым.
Нас комбаты утешить хотят:
Говорят, что нас Родина любит...
А по нам артиллерия лупит, –
Лес не рубят, а щепки летят.*

Спели. Выпили. И порешили: навестить в госпитале нашего гениального поэта. Сказано – сделано. По пути зашли в гастроном и, слегка покачиваясь, двинули в сторону госпиталя. Не знаю, была ли там какая-то охрана. Наверное, была. Мы тогда так решили. Поэтому тихонько, стараясь не шуметь, полезли через забор. Перелезли, и Витя, как самый представительный и самый

вроде бы трезвый из нас, пошёл искать Юру. Нашёл. Посидели на скамейке, посмеялись, выпили бутылку, и Юра – к себе в палату, а мы – снова через забор. Какие мы были идиоты! Сейчас я думаю, что в то время охраны в этом госпитале не было. А то бы... Утром на всех членах обнаружались синяки. Кажется, именно после этого госпиталя отношения Линника с армией прекратились.

В июле 1965 года на моей родине в Умбе, райцентре Терского района Мурманской области, мы с Виолой поженились. По приезду в Петрозаводск встречаю Юру:

– Поздравь меня. Мы поженились.

– Не спрашиваю на ком. Спорим, что больше года не проживёте.

– А вот проживём.

– Спорим, что нет.

– На что?

– На бутылку коньяка.

Поспорили. Юра иногда выступал как предсказатель, но об этом ещё речь впереди.

В самом начале 1966 года, когда Юрий Линник ещё учился на V курсе, вышел его первый сборник «Прелюдия» (Карельское книжное издательство, Петрозаводск, 1966), по нынешним временам, неслыханным тиражом – 6000 экземпляров! И был быстро раскуплен. Вот такое отношение к поэзии было в 1960-е годы. Редактором сборника был известный карельский поэт Марат Тарасов. В адрес его я говорю добрые слова по поводу того, что именно маститый Марат Тарасов чаще других маститых замечал талантливо пишущую молодёжь и способствовал как первой публикации в прессе, так и первому изданию книги. Марату Васильевичу благодарны многие поэты и прозаики. Я тоже. Редактором моей первой книги «Не только о Кижях» (Петрозаводск, «Периодика», 2004) стал Марат Тарасов.

У Юрия Линника мало стихов о любви. Больше всего – в этом первом сборнике. Мне они очень нравились всегда. Но сейчас по прошествии лет они мне кажутся несколько литературными, посвящёнными некой абстрактной неконкретной женщине (я не помню каких-то любовей Линника в студенческие годы). И всё-таки скорее конкретной:

*Всё же, Сольвейг, мы были богаты:
Драгоценное наше добро –
Зябких зорь
Неразменное злато,
Неразменной росы серебро!
Мы уходим в ночные туманы,*

А рассветами –
 в музыку гнёзд.
 Раздуваются
 наши
 карманы
 Драгоценнейшим
 Множеством звёзд.

* * *

Рождается близость –
 Из двух одиночеств,
 Из двух ожиданий и ночи одной! –
 Особенно,
 Если земля в листопаде,
 С тревогой, прописанной в Летнем саду,
 когда в элегичном твоём
 Ленинграде ночная Нева заскучает по льду!
 К тебе незабвенной, забытой, заклятой –
 как донным теченьем, я грустью влеком!..
 Выклянчивал снег
 У светящихся статуй,
 Прощенье за холод, таящийся в нём.

* * *

На прощанье сентября
 В каждый листик
 По лампочке вставит,
 Электричество пустит
 По тонким прожилкам листа –
 И свой свет листопад
 узким конусом
 в полночь направит,
 Чтоб нащупать в пространстве
 Черты дорогого лица!

Наши университетские поэты под руководством Л.Я.Резникова смогли издать 45-страничный сборник студенческих поэтов «Синий меридиан» только в 1968 году, когда большинство из них уже окончил вуз. В сборнике были стихи и моих друзей: Валеры Ананьина, Юры Воробьёва, Жени Неёлова, Володи Рогачёва, Тани Кожевниковой. Леонид Яковлевич отметил в предисловии: «Составители (и авторы) маленького сборника отдавали себе отчёт в том, что на стихотворениях, включённых в сборник, лежит печать несовершенства, свойственного молодым». Совершенством в то время я считал Юрия Линника, что не мешало мне горячо любить близких мне «несовершенных» поэтов. Воробей написал мне на «Синем меридиане»:

«Ты не смотри, что малость грубый.
 И пусть мне «трёшки» не дадут.
 Но никогда собаколюбы
 В собаколовы не пойдут».

В аспирантуру Линник уехал свершившимся поэтом. После года учёбы он вернулся и поразил нас с Виолой своим лексиконом, который был для нас, мягко говоря, совершенно недоступен. Мы уже работали в музее «Кижы»: начали делать коллекционные описи на кижские иконы и описывать предметы народного искусства. Об этом мы и рассказали Юре. Он подержал наш рассказ примерно следующими словами:

«Всё это так элементарно. Вы же знаете, и не мне вам объяснять, что культура никогда не уничтожает изжившие себя формы-«уставшие артефакты», выпадающие из контекста. Она находит способы и пространства для их аккумуляции. Скажем, в модели этнически маркированной одежды. Чем вы и занимаетесь. Я имею в виду народный костюм. Поливариантность его компонентов и правила их сочетаемости представлены как результат своеобразного синтеза половозрастного кода культуры и трансформации социального статуса человека в пространственно-временной системе координат, где отношение пол – возраст может быть интерпретировано как отношение пространство – время».⁴

Мы с ужасом поняли, что общение с Юрой стало для нас недоступным.

К счастью, когда мы встретились с ним ещё через год, Юра вновь заговорил нормальным человеческим языком и, гуляя с нами как-то по Петрозаводску, вспомнил наш спор, предложив прямо сейчас же зайти в ресторан выпить коньяку. Был пасмурный осенний день, а мы купили на днях Виоле роскошные сапоги, и она щеголяла в обновке.

Мы находились рядом с рестораном, который, кажется, вообще не имел названия. В народе его называли «Одуван». Он находился рядом с Центральным рынком в двухэтажном здании, где сейчас магазин «Магнит», на втором этаже. Днём там была весьма захудалая столовая; вечером, на мой взгляд, то же самое, только с подачей горячительных напитков. Мы двинули в «Одуван». Прямо в вес-

⁴ Правда, это слова не Ю. Линника, а совсем другого учёного, говорящего подобным образом и в молодости, и в зрелом возрасте, но тема и её словесное оформление почти полностью совпадают с речами молодого Линника после первого года учёбы в аспирантуре.

тибюле нас ждал незабываемый сюрприз. Как говорится: капец подкрался незаметно. Швейцар(!), презрительно оглядев нашу компанию, сказал:

– Я не могу пустить вас в ресторан.

На наш недоумённый вопрос: «Почему?» – он произнёс дикую для нашего понимания фразу:

– Ваша дама в сапогах.

И это в «Одуване», где всякую пьянь пускают чуть ли не в кирзачах! Мы ушли несолоно хлебавши.

Больше Юра никогда не вспоминал про коньяк. Да и в течение всей его дальнейшей жизни я не видел и не слышал о каком-либо его отношении к алкоголю.

Работая в Кижях, мы не часто встречались с Ю.Линником, чаще подолгу разговаривали по телефону: обменивались информацией об истории старинных храмов (от нас – история; от Линника – взгляд философа-эстетика); говорили о новых книгах – о замалчиваемых ранее авторах: М. Булгакове, А.Чаянове, В.Набокове, О.Мандельштаме, творчеством которого в тот период занимался Ю. Линник. Однажды зимой где-то в середине 1970-х годов он пригласил нас к себе в гости. Им уже были приобретены некоторые работы группы «Амаравелла», и он начал собирать народную вышивку, резьбу и роспись. Появилось у него и несколько интересных икон. Мы искренне восхищались его находками, которые он иногда покупал, а иногда уговаривал владельцев подарить ему. Он повёл с нами разговор о народном космизме, тесно связанном и с иконной живописью, о категориях средневековой культуры, сохранившихся в народном искусстве вплоть до середины XX века. К этому времени в 1973 г. вышел каталог музея «Кижы», где я представлял иконное собрание, а Виола памятники архитектуры музея. До сих пор удивляюсь, как я мог тогда набраться смелости и наглости с моими тогдашними знаниями об иконах взяться за эту работу. Юра показал нам в этот вечер уникальные дореволюционные издания Евгения Трубецкого «Два мира в древнерусской иконописи» и «Умозрение в красках»

– Вот что ты обязан знать, – и дал эти драгоценнейшие книги мне на неопределенный срок. И это Линник! Который никогда и никому не давал книг из своей библиотеки.

Действительно, после Е. Трубецкого в голове несколько просветлело.

В этот же вечер Юра спросил:

– Хотите знать, что будет дальше?

И в ответ на наше «хотим» выдал некоторые

прогнозы, кажется на 7 лет. Я их бегло и черново записал на клочке бумаги. Бумажка эта исчезла, потом нашлась к финальному году прогноза – 1982 -му, и потом тут же пропала окончательно.

Так что, к моему глубокому сожалению, прогнозы эти я вынужден привести по памяти, которая в чём-то и может ошибиться. Хотя последний прогноз был ошеломляюще незабываем. Но о нём чуть позже.

Прежде всего он сказал, что наш очередной директор (Валентина Матвеевна Ионова) скоро уйдёт. В.М.Ионова ушла из музея в 1979 г.

С новым директором у нас будут столь же плохие отношения, как и со старым. Даже ещё хуже. В должности нас не повысят, зарплату не прибавят.

Директором стала Людмила Васильевна Лопаткина. Действительно, отношения наши с ней оставляли желать лучшего. Зарплату нам не прибавили, а у Виолы даже убавили, так как её сняли с поста замдиректора по научной части и снова перевели в научные сотрудники.

С Кижями что-то произойдёт. Во всяком случае, они будут закрыты. Хорошо это или плохо, сказать трудно.

В 1980 г. Кижская Преображенская церковь была закрыта для посетителей. Начались подготовительные работы к реставрации. Летом 1982 г. в интерьере начался монтаж металлического каркаса, который должен был помочь в будущем реставраторам.

Были и другие пункты (мелкие), о которых забыл.

Теперь о последнем пункте. Начну несколько издаleка. С 10 ноября 1982 г. у меня была кратковременная командировка в Москву. Всего два дня. В петрозаводских магазинах в это время было хоть шаром покати. Поэтому я взял с собой огромный рюкзак – колбаски там, ветчины, мяса, сыру, консервов каких-то привезти. Московская приятельница сказала по телефону, что легче всего всё можно купить в центре; в других местах тоже, конечно, можно, но придётся постоять в очереди.

10 ноября 1982 года утром я приехал в Москву, и мне захотелось сразу поехать в центр. Я сел в метро и доехал до «Площади революции». Вышел и сел на лавочку недалеко от метро у недолго стоявшего здесь памятника Я.М.Свердлову. Вдруг громко включается радио и начинается проверка радиосети: «Раз-раз-раз». Солдаты поодиночке с какими-то свёрнутыми флагами ходят. Ко мне на лавочку присел закурить один солдатик, я у него и спрашиваю:

– Что это у вас в Москве происходит?
 А он мне так небрежно и очень уж как-то бытово:
 – Что-что. Брежнев умер.
 – Это что, последний московский анекдот?
 – Какой анекдот! Слышишь, радио проверяют.
 Сейчас объявят.

И правда. Объявили. И я только заметил, что флаги у солдат – траурные. Залез в карман, достал линниковскую бумажку и читаю: «Осень 1982 года. Смерть Брежнева».

Итак, всё сбылось.

Зашёл в гастроном сзади гостиницы «Москва», напротив Совета министров (ныне – Думы), полюбовался витринами – всё есть, и народу никого – думаю, потом приду и накуплю всего. Решил пешком пойти к своим друзьям на Гоголевский бульвар. Только дошёл до улицы Калинина (Воздвиженка) и решил: нет, лучше прямо сейчас вернуться и набить рюкзак. Повернул назад. Только прошёл три шага и...

– Ваш пропуск или паспорт с московской пропиской.

Центр в один момент оказался перекрыт. Так что завтра за колбаской пришлось выстоять огромную очередь.

* * *

Я попытался описать отдельные фрагменты моего длительного общения с молодым Юрием Линником, кажущиеся мне сегодня наиболее интересными.

Существует и другой Линник – выдающийся поэт и философ, яркая идеологически противоречивая личность, но я и не собирался об этом писать, поэтому оставляю эту тему будущим исследователям творчества Юрия Линника.

□

Борис Александрович ГУЩИН

(род. в 1941 г.).

*Долгое время работал старшим научным сотрудником
 Государственного историко-архитектурного
 и этнографического музея-заповедника «Киж».*

*Историк, этнограф, писатель, театральный критик,
 член Карельского Союза писателей и Союза театральных деятелей.*

*Автор книг «Не только о Кижсах. (Картинки прошлого,
 повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний)» (2004 г.),*

«Тысяча вторая ночь» (2011 г.),

*«Любите ли вы театр?.. А цирк?..» (повести, рассказы,
 воспоминания, пьеса, отзывы на спектакли) (2015 г.).*

Постоянный автор журнала «Север» с 1976 года.

Живёт и работает в Петрозаводске.

